

маты, хлеб, нож, соль, стакан и бутылка мутного местного белого вина, сидим и торопливо обсуждаем, каким именем окрестим мы обновляемый баркас.

Сначала я стою за то, чтобы не было никакого названия. Клички приняты лишь для тупого воображения дачников, которые иначе не сумеют отличить одной лодки от другой, и для казенных судов. Твой баркас, Коля, узнает каждый рыбак на всем побережье и по белоснежной окраске и по тонкому золотому бортику. Я, конечно, ничего не говорю ему о том, что именно так расцветил свою яхту «Vel ami» великолепный Мопассан. Коля против белого с золотом не спорит (правда — марко и будет вугать рыбу), но в необходимости имени он упорствует. Пускай же будет называться «Светлана». Так она называлась и раньше, хотя это не было написано на ее носу.

Ладно, Коля. Я тебе уступаю. Суровый и ловкий рыбак, настоящий соленый грек в море, — ты на берегу попадаешь развращенной изнеженности городских вкусов. Идет. Будет заглавие. Но почему же непременно северная, сентиментальная «Светлана»? Почему не «Скумбрия», «Паламид» или «Дельфин»? Хочешь что-нибудь греческое? «Амфитрида»? «Неренда»? «Афродита, выходящая из пены морской»? Хочешь назовем ее «Каллопига», что значит — «прекраснозадая», по стройному очертанию ее кормы?.. Но тут Коля самого меня называет неприличным дураком. Я сбит с позиций и невольно соглашаюсь на все, что ему угодно.

В продолжение трех дней мы старательно соскребаем с боков лодки старую, легко спадающую чешую синей краски, день варим масло и два конопатим кое-где и олифим. Даем просохнуть. К этому времени к нам присоединяется какой-то праздный полуголый, черномазый, очаровательный мальчишка-греченок, который до этого времени валялся, неизвестно для чего, на песке, вблизи нас, глядя в небо, свистал и докуривал наши окурки. Впоследствии он будет бегать для нас на тот берег за вином, хлебом, сыром, холодной рыбой, папиросами, краской и позолотой.

Выкрасили лодку снаружи. Яркое солнце и легкий южный ветерок быстро высушили краску. Перевернули баркас вниз килем, на вальки, сбоку укрепили распорками, принялись мазать внутри, без олифы. Не хватило в городе белой краски, послали мальчонку Христо в Севастополь. Принялись золотить борты сусальным золотом.

Но в местной аптеке достало золотых ближек и гумми-арабику только на аршин борта, а в будущем приближении к красавице «Vel ami» запахло миллионами. Решили взять спокойную и дешевую бронзовую краску. Тут дело пошло очень ходко. Надпись «Светлана» я вывел собственно-ручно, сначала карандашом, а потом тонкой кистью в удлиненном узком «стиле директор» с очень высокими, как тали того времени, перехватами у «а», у «и», у «й», «э».

Нам с Колей тогда еще не было по сту лет, и потому понятно, что оба мы немного волновались, не показывая этого друг другу, а от волнения несколько торопились и оттого то и вышло, что после торжественного спуска баркаса на воду и первой его пробы с трудом отодрали наши сиденья от банок — я на веслах, а он на корме (мальчишка грек стоял посредине и плевал в море). Но как мы весело подплыли к тому берегу! Коля боялся, что баркас приобрел новую, до сих пор неведомую ему ходкость, хотя, надо сказать, что он также некрепко уверял меня месяц тому назад, будто такого послушного и легкого судна нет и не может быть на всем побережье Черного моря, если не на целом свете.

Знакомые рыбаки встретили нас на набережной. Не так чтобы всем вливаем, однако человек пять-шесть. Зубоскалили над щеголеватым видом баркаса, над смешными литерами имени, над варварской малярной работой...

* * *

На этом, к сожалению, вторая часть «Листригонов» обрывается.

О своем герое Куприн пишет в «Междусловии»: «Бог знает, жив ли ты...» и приводит отрывок из его письма. Персонажи первой книги «Листригонов» — реальные люди, они выведены под подлинными фамилиями. Та же реальность есть и во второй части «Листригонов» (кстати, Куприн теперь пишет более правильно: «Лестригоны»). Но действительно ли автор ничего не знал тогда о судьбе Констанди? Среди рукописей, поступивших от Шеховцова, — по случайной случайности — имеется письмо к Куприну неизвестного, под ним подпись — «Коля». Оно-то и было использовано во второй части «Листригонов»: нетрудно догадаться, что писал его Коля Констанди — герой первой и второй частей «Листригонов», изображенный также в рассказах «Гусеница» и «Светлана». Как видно из письма, под присмотром Констанди находился земельный участок, приобретенный Куприным в Балаклаве (одно время Куприн собирался выстроить там дом и поселиться постоянно). Судя по упоминанию о Риге,